

ДОГОВОР, КОТОРЫЙ СТИРАЕТ МЕНЯ

АНАТОЛИЙ БЕВЗА

Анатолий Бевза

Договор, который стирает меня

«Автор»

2026

Бевза А.

Договор, который стирает меня / А. Бевза — «Автор», 2026

Что, если за возможность видеть чужие страхи придётся платить собственной памятью? Марина случайно касается старинной резной доски в библиотеке - и начинает видеть страхи других людей. Они выглядят как тени: тянутся от прохожих, старого моста, колодца, церкви, площади. Но дар не бесплатный. Сначала исчезают мелочи, потом - лица, имена, чувства. В тетради в синюю клетку Марина записывает всё, что боится потерять, но записи не заменяют жизнь. В городе ходит легенда о договоре из трёх страниц. Первая даёт силу. Вторая - цену. Третья - шанс всё вернуть. Только её никто не находил. Вместе с тринадцатилетним Димой, который тоже теряет себя, Марина ищет ответ в старых местах Черни. Ей придётся понять, что страх - это не враг, а память о том, что важно. И что иногда вернуть себя можно, только приняв потерю. Для тех, кто любит тихое фэнтези, городские тайны и книги, после которых хочется позвонить близким.

© Бевза А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Резная доска	5
Глава 2. Норма	6
Глава 3. Тень	7
Глава 4. Первое использование	8
Глава 5. Кто-то ещё	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анатолий Бевза

Договор, который стирает меня

Глава 1. Резная доска

Марина не помнила, как добралась до дома.

Она помнила библиотеку — старую, с протёртыми ступенями и особым запахом пыльной бумаги, который бывает только в таких местах. Помнила второй этаж и краеведческую коллекцию: потрескавшиеся фотографии, пожелтевшие газетные вырезки, витрину с осколками старинной посуды. И резную доску.

Доска висела на стене у окна, за колонной, почти незаметная. Марина увидела её только потому, что послеобеденное солнце легло прямо на резьбу: круги, спирали, а внутри — нечто похожее на человеческое лицо с закрытыми глазами. Дуб потемнел от времени, посередине шла трещина. Марина протянула руку и провела пальцами по спирали.

И мир дрогнул.

На секунду пропали все звуки — словно мир задержал дыхание, — а затем вернулись. Марина отдёргнула руку. Сердце колотилось. Колонна, витрина, выцветшие фотографии на стене остались на месте. За окном всё так же были двор, берёза и кусок неба.

Она выдохнула и пошла к выходу.

Следующим ясным воспоминанием был уже дом. Марина стояла у своей двери на площадке второго этажа, сжимала ключи и не понимала, как сюда попала. Ни улицы, ни поворота на Садовую, ни автобуса в памяти не осталось. Последнее — резная доска под пальцами. Потом пустота.

«Устала, — сказала она себе. — Просто устала».

Дома она заварила чай, села за стол и открыла тетрадь в синюю клетку, которую вела с пятого класса. Туда попадало всё, что Марина считала важным: прочитанное, замеченное, обещанное самой себе. Записывать было проще, чем надеяться, что память удержит нужное.

Она написала: «Библиотека. Резная доска на втором этаже. Узор — спираль, лицо с закрытыми глазами. Потрогала. Что-то произошло. Не помню дорогу домой».

Перечитала. Подчеркнула последнее.

Мама пришла с работы в семь, как обычно. Бросила сумку на стул, заглянула в комнату:

— Марин, ты ела?

— Да.

— Чего такая тихая?

— Читаю.

Мама кивнула и ушла на кухню. Марина проводила её взглядом и вдруг задумалась: когда она в последний раз слышала мамин смех? Ответа не нашлось. В тетради появилась новая строка: «Мама смеялась сегодня? Не помню».

Глава 2. Норма

Понедельник начался как обычно.

Автобус из Черни в Тулу шёл в семь двадцать. Марина садилась на остановке у поворота на Садовую, ехала сорок минут, выходила у школы. Школа была обычная, двухэтажная, кирпичная, с пристройкой из девяностых. Марина училась в десятом классе, и класс был маленький — семнадцать человек.

Первым её встретил Костя Северов. Он стоял у крыльца, капюшон натянут, руки в карманах, и смотрел на телефон.

— Северов, — окликнула Марина. — Опять опаздываешь?

— Не опаздываю, — он убрал телефон. — Жду.

— Кого?

— Тебя. У тебя лицо странное. Ты чего?

Марина промолчала. В отражении автобусного окна она уже заметила тёмные круги под глазами, бледную кожу и непривычно рассеянный взгляд.

— Плохо спала, — сказала она.

— Ясно. Ладно, пошли, первый — Сорокина, она сегодня добрая. Вероятно.

Сорокина вела литературу и была либо добрая, либо злая — без среднего состояния. Сегодня была добрая: дала задание прочитать к среде «Тёмные аллеи» и написать короткий отзыв.

В тетради появилась строка: «Бунин, „Тёмные аллеи“, отзыв к среде. Сорокина добрая».

На перемене подошла Лена. Лена была её ближайшей подружкой с шестого класса — рыжая, громкая, с привычкой говорить так, будто вокруг никого нет.

— Ты идёшь завтра на репетицию или как? — Лена стояла слишком близко, голос громкий, будто она хотела, чтобы слышали все в коридоре.

— На какую? — Марина напрягла память, но ничего не всплыло.

Лена прищурилась.

— Концерт. Ты сама сказала: «Я помогу со звуком, я же шарю». Это было на прошлой неделе, после урока физики. Ты ещё сказала, что у тебя дома микшер, и ты всё настроишь.

Марина смотрела на неё, чувствуя, как внутри стягивается узел. Она не помнила этого разговора. А Лена уже смотрела с той осторожной обидой, которая бывает, когда тебя снова подводят.

— Да, — сказала Марина быстро. — Конечно. Я помню.

— Точно? Потому что если ты опять пропадёшь, я сама не вытяну. Мне и так Сорокина уже два раза звонила.

— Я буду, — пообещала Марина. И сама себе не поверила.

В туалете Марина открыла тетрадь. «Школьный концерт — завтра. Помогаю со звуком. Лена». Почерк был её, содержание — будто чужое. Не воспоминание, а инструкция, оставленная самой себе.

Марина закрыла тетрадь и прислонилась лбом к холодному кафелю. Если так пойдёт дальше, однажды ей придётся доказывать друзьям, что она их не игнорирует — она просто не помнит.

Вечером Марина снова перечитала записи. Школа, учителя, друзья, дела — всё числилось на месте. Но между библиотекой и домом зиял провал, а рядом с ним росло смутное чувство утраты, хотя она ещё не могла сказать, что именно потеряла.

Внизу страницы она добавила: «Со мной что-то происходит. Пока не понимаю что».

Глава 3. Тень

Во вторник после школы Марина поехала в библиотеку.

Не для того, чтобы ещё раз трогать доску — она боялась. Но ей нужен был ответ. Если кто-то и знал, что это за доска и почему от неё так странно холодеет внутри, то только Зоя Павловна — библиотекарь, работавшая здесь с незапамятных времён.

Зоя Павловна сидела за столом у входа и смотрела на посетителей поверх очков. Маленькая, сухая, она знала о Чернском районе, кажется, больше, чем весь краеведческий музей.

— Зоя Павловна, — Марина присела к столу. — На втором этаже, у окна, за колонной — резная доска. Дубовая, с трещиной. Что это?

Зоя Павловна подняла глаза.

— Ты её трогала.

Зоя Павловна не спрашивала — она уже знала. У Марины похолодели ладони.

— Да.

— И что произошло?

— Я... не помню дорогу домой.

Зоя Павловна выдержала паузу, сняла очки и протёрла их краем блузки.

— Когда-то эта доска была частью ворот на въезде в Чернь. Лет триста назад. Резьба на ней — не украшение, а запись, только без букв. Кто её сделал, никто не знает. Те, кто касается доски, начинают видеть то, чего другие не видят.

— Видеть что?

— Чужой страх. Для тебя он будет выглядеть как тень. Но за это платят памятью: иногда мелочью, иногда чем-то важным.

Марина смотрела на неё и не знала, что сказать.

— Зоя Павловна, вы серьёзно?

— Я бы давно ушла на пенсию, если бы шутила. Можешь не верить. Но ты ведь уже потеряла? Дорогу домой?

Марина ничего не ответила. Дороги домой действительно не было.

— А можно... вернуть?

Зоя Павловна покачала головой:

— Не знаю. Я видела троих, кто трогал доску. Один забыл, как зовут его мать. Второй — перестал узнавать свой дом. Третий... Третьего я не вижу уже три года. Может, уехал. А может — просто потерял дорогу к людям.

Марина встала. Ноги не слушались.

— Подожди, — сказала Зоя Павловна. — Дорогу ты потеряла, но сюда вернулась сама. Значит, не всё исчезает одинаково. Держись за людей и места, которые для тебя важны. Связи держатся дольше.

Марина вышла из библиотеки. Был тёплый сентябрьский день, светило солнце, по улице проехал автобус. Всё было как обычно.

Но когда она посмотрела на женщину, стоявшую у остановки, она увидела тень.

От ног женщины у остановки тянулось что-то похожее на отражение в луже — только чёрное, густое и живое. Марина видела его так же отчётливо, как автобус, деревья и небо.

Она зажмурилась. Открыла глаза. Тень была на месте.

За поворотом Марина остановилась и раскрыла тетрадь: «Вижу чужой страх как тень. Цена — память. Зоя Павловна знает о доске».

Руки тряслись.

Глава 4. Первое использование

В среду, на репетиции школьного концерта, Марина впервые использовала силу.

Она помогала Лене настраивать колонки в актовом зале. Лена командовала, Марина тянула провода. Всё было нормально, пока в зал не зашёл Слава Комаров из одиннадцатого.

Тень Славы Марина заметила сразу: плотная, чёрная, она тянулась к двери и дрожала, словно хотела вырваться из зала.

Слава поймал её взгляд и усмехнулся:

— Чего вылупилась?

— Ничего, — сказала Марина.

Слава прошёл к сцене, а тень потянулась следом. Марина не знала, имеет ли право вмешиваться, но отвернуться не смогла: в этой чёрной дрожи было слишком много паники.

Она подошла к Славе. Тень метнулась.

— Слава, — сказала она тихо. — Чего ты боишься?

Он замер. Уставился на неё.

— Ты чего?

— Я вижу, что ты боишься. Чего?

Слава молчал. Потом — тихо, почти шёпотом:

— Отец. Он... мне сегодня звонил. Сказал, что приедет на концерт. Он не приезжал три года.

Тень вздрогнула под её рукой и начала истончаться. Слава медленно выдохнул, словно только сейчас заметил, что всё это время задерживал дыхание.

— Спасибо. Я не знаю, за что, но спасибо.

Марина улыбнулась и отошла.

Только отойдя, Марина поняла: фамилия учительницы литературы исчезла. Она помнила сегодняшний урок, Бунина, класс — всё, кроме одного слова.

Марина вытащила тетрадь и быстро перелистала страницы. Вот: «Сорокина добрая». Фамилия не вернулась — просто появилась перед глазами как новая информация.

Пальцы плохо слушались, когда она взялась за ручку.

Она зафиксировала цену: «Использовала силу. Помогла Славе Комарову — страх перед приездом отца. Потеряла фамилию учительницы литературы. Сорокина — теперь знаю только из записи».

Вечером Марина попыталась вспомнить лицо бабушки. Бабушка умерла три года назад; остались тепло её рук, запах яблок, голос. А лицо расплывалось. Карие глаза, морщинки, очки — отдельные детали никак не складывались вместе.

Чем сильнее Марина старалась, тем меньше оставалось.

В тетради появилась ещё одна потеря: «Лицо бабушки. Голос, запах, руки помню. Черты — нет».

Ниже она написала крупно: «ЭТО НЕ УСТАЛОСТЬ».

Глава 5. Кто-то ещё

В четверг Марина нашла надпись.

Она шла через школьный двор к автобусной остановке и увидела на заборе, за гаражами, мелом написанное: «ДОГОВОР. ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА. СПРОСИ МЕНЯ».

Почерк был торопливый, почти детский; кривые буквы давили на мел так сильно, что местами он крошился.

Марина перечитала фразу, огляделась и сфотографировала забор. В тетради отметила только главное: где увидела надпись и что на телефоне есть снимок.

Вечером она вернулась к гаражам. Через полчаса из-за угла вышел мальчик лет тринадцати — щуплый, в слишком лёгкой для вечера куртке. Он смотрел на Марину спокойно, но пальцы держал в кулаках.

— Ты видишь тени, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я тоже. Меня Дима зовут. Я тронул доску полгода назад.

Он пожал плечами, но пальцы на куртке были сжаты в кулаки.

— Ты много потерял? — спросила Марина.

— Не знаю. В этом и проблема: я не помню, что потерял. Раньше боялся разве что контрольной по алгебре. Теперь иногда страшно, а причины нет.

Он помолчал.

— Вчера не смог вспомнить, как зовут мою собаку. Она стояла во дворе, хвостом машет, ждёт. А у меня имя пропало. Сказал: «Эй, иди сюда». Она всё равно подошла.

История с собакой ударила сильнее любых предупреждений Зои Павловны.

— Прости, — тихо сказала она.

— За что? — он криво улыбнулся. — Ты же не стирала.

— Но я понимаю.

Дима кивнул. Выглядел он не на тринадцать — усталость делала его старше.

— Что значит «третья страница»? — спросила она.

— Зоя Павловна называет это тремя страницами договора. Первая — сила. Вторая — цена. А третья якобы позволяет остановить всё и вернуть потерянное. Только её никто не нашёл.

— Откуда ты это знаешь?

— Зоя Павловна сказала: ответ где-то в городе, среди старых вещей. Не просто древних — тех, которые слишком многое видели.

После его ухода Марина сократила встречу до нескольких строк: «Дима Воронов, 13. Тронул доску полгода назад. Видит тени, теряет память. Говорит о третьей странице — способе остановить договор. Искать в старых местах города».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.